

Рекомендация для цитирования:

Кулешова О.В. Рецензия на: Христоворова О. Шаманы северных народов России. Железные кости, духи-помощники и перелеты между мирами. М.: МИФ, 2025. 320 с.: ил. (Страшно интересная Россия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 2 (43). С. 284–293.

For citations:

Kuleshova, O.V. (2025) “Review of: Khristoforova, O. (2025) Shamans of the Northern peoples of Russia. Iron bones, spirits-helpers and transfers between worlds. M.: MIF, 320 p. with ill. (Extremely interesting Russia) (in Russ.)”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2 (43): 284–293.

Поступила в редакцию: 20.02.2025; принята в печать: 01.04.2025.

Received: 20.02.2025; Accepted for publication: 01.04.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Рецензия на:
Христоворова О. Шаманы северных народов России. Железные кости, духи-помощники и перелеты между мирами. М.: МИФ, 2025. 320 с.: ил. (Страшно интересная Россия)

ОЛЬГА В. КУЛЕШОВА

Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).
kuleshova.o.v@gmail.com

ORCID: 0000–0003–3941–4625

Review of: Khristoforova, O. (2025) Shamans of the Northern peoples in Russia. Iron bones, spirits-helpers and transfers between worlds. M.: MIF, 320 p. with ill. (Extremely interesting Russia) (in Russ.)

OLGA V. KULESHOVA

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). kuleshova.o.v@gmail.com

ORCID: 0000–0003–3941–4625

Новая книга доктора филологических наук, антрополога и фольклориста Ольги Христофоровой, повествующая о культуре и верованиях северных народов нашей страны, вышла как научно-популярное издание в серии «Страшно интересная Россия». Не снижая научного уровня, опираясь на научные исследования и полевые материалы, автор рассказывает в доступной форме широкой читательской аудитории о феномене шаманизма, представляя его не просто как форму религии, бытовавшей продолжительное время на восточных территориях Российской империи, но давая глубокий культурный срез, освещая быт и духовный уклад коренного населения Сибири¹.

Свою задачу исследовательница видит в том, чтобы развенчать мифы о шаманизме. Отказываясь определять шаманизм как древнейшую религию всех народов мира, базирующуюся на первобытных верованиях, автор книги предлагает рассматривать феномен как систему верований и ритуальных практик (или мифоритуальные системы). «В отличие от религий, такие системы — это не отдельный культурный институт, не часть культуры, а культурная среда, в которой сообщество существует», — поясняет автор (с. 8). Такое понимание шаманизма, как системы, объединяющей все виды деятельности человека, дает право исследователю определять шамана не как жреца, отвечающего только за религию, а как «многопрофильного» ритуального специалиста, без по-

¹ Рост научного интереса к верованиям и культуре коренных народов и локальных сообществ России обусловлен процессами меморизации и возрождения исконных верований и культур в настоящее время и демонстрирует их влияние на общее состояние культуры российского общества на современном этапе. (См., например: *Буркитбаева Ш. Д., Шаргынова А. Е.* Шаманизм как религиозный и культурный феномен: традиции и социальная роль у тюркских и китайских народов // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология.* 2024. № 4 (149). С. 290–301; *Кремлёва В. М.* Возрождение шаманиз-

ма Южной Сибири в конце XX — начале XXI века // 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences — Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries. 2023. С. 383–385; Sem, T. (2023) “The Material World of Shamanic Attributes in the Light of the Theory of Shamanism (on the Example of the Collections of Russian Museums)”, *Kunstkamera* 2 (20): 76–87; Burbar, S. (2022) “The Shamanism in Altai and Tuva from Past to Present: Universal and Local Aspects”, *Turkic Studies Journal* 4 (2): 22–34; *Харитонова В. И.* Неошаманизм и шаманские практики современности: от «возрождения шаманизма» до экстатического транса // *Вестник антропологии.* 2022. № 4. С. 297–313.

мощи которого человеку было невозможно решить проблемы во всех сферах своей деятельности (экономике, медицине, праве, педагогике и др.).

Автор книги понимает шаманизм как «аналитический конструкт, созданный наукой и объединивший очень разные верования и ритуалы» (с. 9), и находит различия в мифо-ритуальных системах различных регионов мира, предлагая считать шаманистскими лишь некоторые из них, базирующиеся на трех обязательных для шаманизма понятиях: фигуре самого шамана («ритуального специалиста» по терминологии автора), совершаемом им камлании (обряде, в процессе которого происходит общение с боже-ствами и духами, или «нечеловеческими агентами»), а также шаманском трансе (состоянии, делающем этот обряд возможным). К таким автор относит регионы Северной и отчасти Восточной и Центральной Азии, а также Северной Америки, «связанной с Северной Азией генетически и типологически — по типу хозяйства и материальной культуры» (с. 9).

Становясь на путь непредвзятого исследователя, пытаюсь рассмотреть шаманизм с точки зрения антропологии и культурологии, как явление культуры в широком

смысле слова, автор книги хочет отмежеваться и от религиозных представлений, характерных для исторического православия, воспринимающего шаманизм как поклонение дьяволу, и от атеистической, позитивистской позиции, рассматривающей шаманов как пациентов психиатрических клиник, либо просто плутов, обманывающих доверчивых людей, или виртуозов, овладевших набором техник, которым легко научиться любому человеку. Возражает автор и сторонникам мистицизма, склонным разделять шаманов на черных и белых и видящим в них воплощение добра и зла, и отмечает, что подобное разделение характерно для европейской сказки и современной массовой культуры.

Автор очерчивает территорию бытования классического шаманизма, определяя ее как Северную Азию, иначе говоря, Сибирь и Дальний Восток, подробно останавливается на национальном составе этих территорий, дополняя свои рассуждения картой расселения народов, опираясь на Всероссийскую перепись населения 2021 года и обращаясь к этнолингвистической классификации, характеризует языковую принадлежность коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Опираясь

на лингвистические и исторические данные, автор разбирает этимологию и семантику слова «шаман», подробно останавливается на понятии «шаманский транс», подчеркивая различия в понимании терминов и явлений у разных народов и проводит грань между понятиями трансового состояния (продукта человеческой физиологии) и одержимости (плода человеческой культуры). В понимании автора, «способность людей к трансовым состояниям может быть рассмотрена как материал для культурной переработки» (с. 24). Этим автор объясняет разнообразие представлений и вариантов существования данного понятия у разных народов и на разных временных отрезках. Кроме того, исследователем определены критерии и региональные варианты шаманских традиций. Формулирование критериев шаманизма позволяет отделить данное явление от похожих феноменов («культов одержимости»). Опираясь на региональные особенности, автор выделяет пять видов сибирского шаманизма: Северо-Сибирский регион, Центрально-Сибирский регион, Южно-Сибирский регион, Колымско-Камчатский регион, Амурсо-Сахалинский регион.

Нужно отметить, что обращение к научной литературе

и фактологии — сильная сторона книги. Все свои утверждения автор подкрепляет ссылками на научные исследования, архивные документы, статистические данные, полевые материалы.

Автор книги предлагает осмыслить шаманизм в целом как явление культуры, рассмотрев совокупность различных ракурсов понимания этого явления. Подобная задача потребовала от автора соответствующей структуры книги. Исследование разделено на девять глав, каждая из которых предлагает определенный ракурс изучения шаманизма как феномена культуры.

В первой главе «Как появились шаманы?» автором проанализированы мифы о происхождении шаманства и о первых шаманах. Автор рассказывает о шаманской космологии и выделяет две важнейшие задачи, выполняемые шаманами — «обеспечивать порядок в человеческих сообществах и выступать посредниками между людьми и богами» (с. 29). Шаман рассматривается как «живущий на Земле человек и одновременно культурный герой» (с. 31). Он «устроитель жизни на Земле и посредник между всеми слоями мироздания» (с. 29). Автор подчеркивает

ет духовную природу шамана, его связь с традициями рода и в то же время нравственную человеческую сущность, приверженность родовым аксиологическим ценностям. Шаман выступает как «космический человек», «версия» мировой вертикали, путешествующий «по символическому космосу», сопровождаемый духами-помощниками, видящий и понимающий мир по-своему, доверяющий только себе и своим ощущениям. Для шаманов характерны разные версии картины мира, даже в пределах одного народа. Их «мифотворчество глубоко индивидуально». «Шаман не только знаток мифологизированной вселенной и путешественник по ней, он также и ее творец, подобный культурному герою времен создания мира» (с. 52).

Во второй главе «Категории шаманов» автор рассказывает об их различиях, обусловленных разной степенью связанности и взаимодействия с миром духов, принадлежностью к разным народностям, их функциями («специализацией»), силой, главными атрибутами, символикой образа. У каждого шамана была «своя сфера ответственности, свои задачи, свои атрибуты и приемы» (с. 64). Главная же их «роль заключалась в том, что-

бы быть посредниками между духами и людьми... соблюдая законы мироздания и сохраняя вселенскую гармонию» (с. 71). Согласно традиции советской и российской этнографии, предлагая разделение на шаманов и «шаманствующих», автор дает свое определение шамана. Шаман понимается как «ритуальный специалист, прошедший определенного типа болезненное состояние, проводящий ритуалы общения с духами — камлания, в которых он занимает место основного деятеля и распорядителя и входит в транс, которым может управлять» (с. 64). Близкими к шаманству «профессиями» автор называет лекарей, предсказателей, музыкантов, сказителей, кузнецов, находя у них общие черты: призвание (богоизбранность) и выполнение задачи служения обществу.

В третьей главе «Как становятся шаманами?» автор рассказывает о шаманской болезни и обряде посвящения, преемственности внутри шаманских родов. Объясняя природу шаманской болезни, говорит о ее не вполне ясной сущности, отказываясь от чисто медицинского толкования, видит в ней «внешнее проявление сложных процессов в психике и теле человека, своего рода» психологическую под-

готовку к профессии (с. 118). Объяснение данного феномена автор переносит в область культуры, отмечая, что «человек — это символическое существо, и влияние культуры, ее шаблонов и моделей на психику и даже телесность человека весьма значительно» (с. 118). Шаманская практика тесно связывает культурное, социальное и биологическое и показывает, что «социальное окружение и культурные символы имеют значительное влияние на психологию и биологию человека» (с. 120).

Об особенностях шаманского ремесла, жизни шаманов и их социальной роли автор рассказывает в четвертой и пятой главах «Помощники шаманов — люди и духи» и «Жизнь и смерть шамана». Автор представляет шамана как «родового защитника: лекаря, воина, помощника в делах» (с. 148). Определяя природу «профессии» шамана, называет его одиночкой, считающим себя «ребенком божеств и духов, а людей, которым он помогает, — своими детьми» (с. 148). Особо отмечается и «профессиональное» соперничество шаманов, а также такие мотивы их деятельности, как жажда славы и тяга к власти. Подчеркивается и бескорыстность служения шамана, поскольку со-

племенники смотрели на него как на «несущего свой крест». Камлания должны были совершаться «по требованию духов и на пользу людям» (с. 149). И очень часто шаман за свой труд ничего не получал, его помощь осуществлялась безвозмездно. Существовала и «специализация» у шаманов. Не каждому шаману были подвластны все стихии. Были шаманы более и менее сильные.

Особый вопрос, отмечаемый автором, моральный кодекс шамана. «Шаман не должен был совершать плохие поступки: отказывать в лечении; браться за непосильные задачи и тем ухудшать ситуацию; «закрывать дорогу» начинающему шаману, чтобы избежать конкуренции; наводить порчу на чужой промысел, на жизнь и здоровье людей» (с. 154). Однако нарушения морального кодекса все же случались, о чем свидетельствуют судебные дела XVII–XIX веков. Помимо налагаемых на шаманов штрафов за «шаманскую порчу», они получали и мистическое наказание, возмездием были болезнь или ранняя смерть, несчастья, настигающие семью.

В шестой главе «Атрибуты шамана» раскрывается функциональное назначение и мифологическая сакральная природа облачения шамана (своего

рода спецодежды, по терминологии автора), а также инструментов, используемых им во время служения. Глава изобилует этнографическими подробностями и призвана не только углубить представление читателя о специфике служения шамана, но и познакомить его с особенностями повседневной и сакральной культуры северных народностей России. Назначение всех представленных атрибутов автор объясняет, опираясь на собственное определение шамана, представляя его многостонним профессионалом: знатоком традиции, мудрецом, воином, администратором, дипломатом, а также музыкантом и актером в одном лице (с. 165).

В седьмой главе «Шаманские обряды» автор рассказывает о типах и логике шаманских камланий. Типы выделяются в зависимости от цели и назначения обряда, при этом в широком смысле шамана, по мнению автора, можно считать устранителем, ликвидатором, «всех видов проблем и несчастья в целом» (с. 212). В культурах северных народов шаман становится связующим звеном или каналом, «по которому от божеств и духов людям приходит счастье» (с. 213). Кроме того, камлание могло иметь и пси-

хотерапевтический, и развлекательный характер. Рассуждая о логике шаманских ритуалов, автор утверждает, что элементы магии несомненно в них присутствуют, но не являются основополагающими. Опираясь на исследования британского антрополога Джеймса Джона Фрэзера², О. Христофорова сводит магию шаманских ритуалов к двум принципам: к магии подобия и магии смежности, метафоре и метанимии, часто комбинирующимся между собой. Важнее магии в шаманских камланиях логика коммуникации. Шаман должен правильно взаимодействовать «с божествами и другими обитателями мифологической вселенной. Умение правильно общаться — вот в чем суть шаманской «профессии» (с. 234). Шаман должен обладать навыками дипломата, смелостью воина и ловкостью плута. Опираясь на исследования Е. С. Новик³, автор сопоставляет шаманские камлания со сказкой. Третья важная составляющая шаманских ри-

². Более подробно см.: Фрэзер Д. Д. «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» (пер. с англ. М. К. Рыклина). М.: Азбука, 2018.

³. Более подробно см.: Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур; 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит-ра, 2004.

туалов — принцип перформативности, театрализованности. Каждый возглас и движение шамана имеет смысл, понятное внутри культуры представление (с. 238). Автор определяет камлание шамана как «театр одного актера», «интерактивный театр», участники которого верят в реальность всего происходящего; «...мир символов так же реален для тех, кто верит в их значения, как и мир физический» (с. 239). По определению О. Христофоровой, «камлание — это ритуально-театральный перформанс, зародившийся во времена, когда еще не было привычного нам разделения на религиозные ритуалы и театральные представления. В камлании слиты воедино глубокое символическое содержание и экспрессивная театрализованная форма, производившая сильное впечатление на зрителей...» (с. 239–240).

В восьмой главе «Шаманские чудеса» автор излагает разные точки зрения на природу этого явления. Попытки сопоставления рационального объяснения и веры в сверхъестественную природу шаманских чудес приводят автора к выводу о существовании определенного набора «сюжетов и мотивов, которые формируют человеческий опыт

(точнее, рассказы о нем)» и способности их трансляции во времени и пространстве (с. 248). Этим она объясняет схожесть историй независимо от времени их бытования и географии распространения. В рассказах о шаманах автор находит черты славянской мифологии и склонна «мифологические истории с „блуждающими“ по странам и народам мотивами» рассматривать «как фольклор, не задаваясь вопросом об истинности описываемых событий» (с. 253). Автор призывает уважительно относиться к верованиям других народов, не отрицать их, а считать реальными, и, ссылаясь на научную литературу, приводит примеры такого отношения, считает неприемлемым «жесткое давление государственной идеологии на науку» в период советской эпохи, «когда в рамках марксистско-ленинской методологии шаманство надо было считать отжившим и вредным явлением» (с. 262).

Девятая глава «Шаманы и государство» интересна тем, что в ней автор прослеживает отношения сибирских шаманов и государства на протяжении нескольких столетий — от покорения Сибири до наших дней, показывая, как неоднозначное, но в целом толерантное отношение к шаманству, осно-

ванное на страхе и уважении, а также умении шаманства приспособливаться к меняющейся ситуации, когда шаманство уживалось и с государственными управленческими структурами, и с господствовавшей православной религией в Российской империи, сменилось гонениями и закончилось полным уничтожением при советской власти, во время эпохи воинствующего атеизма. Автор рассказывает, как шаманская символическая вселенная вбирала в себя «христианские и буддистские образы, а в советские годы — образы Ленина, коммунистической партии и комсомола» (с. 273), и подчеркивает, что с приходом советской власти «борьба с религией и кампания расшаманивания за несколько десятилетий практически уничтожили либо сильно изменили тысячелетние традиции народов Сибири» (с. 281).

Говоря о возрождении шаманизма в современной России, автор намечает три направления его бытования и изучения. «Во-первых, оно перешло в область исторической памяти и культурного наследия; во-вторых, в отдельных регионах возрождается, часто в новых формах, таких как „неошаманизм“ или „городской шаманизм“; в-третьих,

переходит в широкие сферы массовой культуры» (с. 297). В заключение автор предлагает список рекомендованной научной литературы, а также документальных и игровых фильмов о шаманах и шаманизме.

Антропологический и культурологический подходы, которыми руководствуется автор на протяжении всей книги, помогают представить шаманизм объемно и многоаспектно, как явление культуры, ждущее дальнейшего исследования и изучения.

Библиография / References

Буркитбаева Ш. Д., Шаргынова А. Е.

Шаманизм как религиозный и культурный феномен: традиции и социальная роль у тюркских и китайских народов // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2024. № 4 (149). С. 290–301.

Кремлёва В. М. Возрождение шаманизма

Южной Сибири в конце XX — начале XXI века // 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences — Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries. 2023. С. 383–385.

- Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур; 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит-ра, 2004.
- Фрэзер Д. Д.* «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» (пер. с англ. М. К. Рыклина). М.: Азбука, 2018.
- Харитонова В. И.* Неошаманизм и шаманские практики современности: от «возрождения шаманизма» до экстатического транса // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 297–313.
- Burbar, S.* (2022) “The Shamanism in Altai and Tuva from Past to Present: Universal and Local Aspects”, *Turkic Studies Journal* 4 (2): 22–34.
- Sem, T.* (2023) “The Material World of Shamanic Attributes in the Light of the Theory of Shamanism (on the Example of the Collections of Russian Museums)”, *Kunstkamera* 2 (20): 76–87.